

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ I
И КРЕСТЬЯНСКИЙ
ВОПРОС
В РОССИИ
ПО НЕИЗДАННЫМ
ДОНЕСЕНИЯМ
ФРАНЦУЗСКИХ
ДИПЛОМАТОВ
1842 - 1847 г.г.

Среди поисков в архиве французского министерства иностранных дел мне пришлось натолкнуться на некоторые данные, которые могут представить известный интерес для изучающих историю крестьянского вопроса в России при Николае I, а еще более — историю дворянских настроений в эту эпоху.

В предлагаемом очерке я попытаюсь дать читателю представление о содержании и характере этих документов.

Не могу при этом не отметить необычайную бюрократичность и подозрительность администрации именно этого архива: этими качествами Французский архив министерства сильно превосходит, например, наш Государственный архив, не говоря уже о парижском Национальном архиве.

Во Французском архиве иностранных дел, после долгих стараний, хлопот, многомесячных ожиданий, после, наконец, полученного разрешения от министра, оказалось, что очень многого мне все-таки не выдадут. В частности, читатель этого очерка должен принять к сведению, что мне не выдали ничего, касающегося 1845 г. Почему? «C'est réservé». Почему «réservé»? «C'est réservé». На этом объяснения и кончились. Кроме 1845 г., я не получил и еще нескольких регистров серии «Mémoires et documents», тоже относящихся к царствованию Николая I. Мало того: даже в выданных мне регистрах кое-какие документы оказались завернутыми в толстую оберточную бумагу, а бумага прикреплена особыми шнурками к корешку, и по некоторым соображениям, на которых здесь излишне было бы останавливаться, я мог заключить, что эти таинственные документы относятся тоже отчасти к внутренним русским делам. Наконец,

документы позднее 1848 г. не выдаются никому, по общему правилу. Эти оговорки читатель предлагаемой работы должен иметь в виду: *feci quod potui*.

1

Рукописи, с которыми я хочу познакомить читателей, совершенно неизвестны. Не знал их и автор капитальной общей истории крестьянского вопроса в XVIII—XIX вв. в России, В. И. Семевский. Они касаются крестьянского вопроса при императоре Николае, но, конечно, не по ним возможно отдать себе отчет об истинном ходе дел в официальных учреждениях, они не чужды наивностей, иногда граничащих с абсурдом (где речь идет, например, о том, что Николай непременно хотел в свое царствование освободить крестьян и т. п.). В чем эти бумаги, действительно, интересны, это в передаче дворянских настроений: историк русской общественности, наверное, пожелает с ними ознакомиться, так как они безусловно являются любопытным показанием иностранцев-современников о проявлениях дворянской фронды, ознаменовавшей кое-какие моменты царствования Николая.

Те документы, о которых сейчас будет речь, если не считать бумаг Баранта, никогда ни изданы, ни даже цитированы нигде, как сказано, не были. Эти документы бросают весьма яркий свет на отношение Николая I к крестьянскому вопросу и дают понятие о победоносной борьбе дворянства против всякой пощылки сколько-нибудь облегчить положение крепостных. Попутно интересны и отзывы о характере Николая I. Конечно, при этом я сравнительно мало касаюсь тех суждений посла Баранта (1837—1841), которые тоже нашел в архивных регистрах, но которые почти все напечатаны в его «*Souvenirs*».

Период, к которому относятся разбираемые документы (1842—1847), был, в смысле оживления крестьянского вопроса, самым интересным за все царствование императора Николая. Первые пятнадцать лет были заняты внешними войнами, кипучей дипломатической деятельностью, усмирением и затем ликвидацией польского восстания, кодификационными работами, униатским вопросом; последние годы (с 1848 г.) отмечены были воинственными дипломатическими выступлениями, затем венгерской войной, восточным вопросом, наконец, обострением внутренней реакции. Что же касается до этих средних лет царствования, то именно тогда, по-видимому, у императора проявилось стремление хоть отдаленно подойти к исторической задаче, огромность которой он вполне сознавал. Замечу, кстати, что в документах с 1825 г. до конца 1830-х годов мне не встречались вовсе донесения о крестьянском вопросе.

Посмотрим же, какое впечатление производили эти шаги Николая I на внимательных и совершенно посторонних наблюдателей.

Прежде всего необходимо напомнить общую позицию этих наблюдателей в Петербурге. Французские послы чувствовали себя в Петербурге, с самой июльской революции и вплоть до 1848 г., как во враждебном стане. Даже к Второй республике Николай отнесся гораздо сочувственнее и уважительнее, чем к Луи-Филиппу. «La comédie jouée et finie, et le coquin à bas!» — так отозвался он в 1848 г. о конце царствования французского короля. Желающих ознакомиться с тем, как Николай отзывался о короле в интимной беседе, можно отослать, например, к интереснейшей переписке государя с Паскевичем, напечатанной в «Русском архиве» за 1909 г., здесь же об этом распространяться излишне. Временами (при бароне де Баранте) эта вражда несколько как бы утихла или по крайней мере смягчались ее внешние выражения, временами (при Перье, Андре, Рейневале) отношения доходили до пределов допускаемой церемониалом холодности. Все послы Луи-Филиппа относились к Николаю, как к признанному и непоколебимому врагу, руку которого они распознавали во всякой дипломатической неудаче Франции. Русский двор, русская аристократия во главе с салоном графини Нессельроде, соображаясь с политикой государя, относились к французскому посольству с «ледяной вежливостью», и для членов посольства создавалась сама собой позиция посторонних наблюдателей, которые имели тем не менее много встреч, много сношений, позволявших им быть *au courant*, если не русской жизни, то петербургских придворных и великосветских настроений. Сначала несколько слов об отзывах посольства о Николае. Нужно начать с того, что в общем отзывы французских дипломатов скорее благоприятны Николаю I.

Им нравилась прежде всего его храбрость, которую они усматривали в поведении его в 1825 и 1831 гг., его твердость, решительность и прямота в обращении, и все они утверждали, будто он искренне хочет вылечить многие болезни, от которых страдает Россия, но что кругом себя он не видит людей, на кого можно было бы положиться. Даже просто честные люди — наперечет. Барон де Барант (бывший послом с 1837 г. до 21 августа 1841 г.), сообщая, например, 30 декабря 1837 г., что в Грузию будет назначен генерал Головин, прибавляет: «Это человек безукоризненной честности, качество, весьма редкое в России. Несомненно, именно это побудило императора выбрать его, до такой степени государь был поражен во время своих путешествий по Грузии всеми хищениями и гнусностями (*de malversations et de vilainies*), которые были ему раскрыты»¹.

Барант не одобряет Николая I за его «манию всем рисковать» для быстрых передвижений по стране, за «недостойную государя» быстроту езды по самым опасным и непроезжим дорогам. Вообще Барант считал императора человеком очень храбрым. Однажды речь зашла между ними о 1831 г., времени холерного бунта и мятежа военных поселений. «Я сделал намек на храбрость и твердость, которые он выказал при волнениях по поводу холеры и во время бунта поселений», — доносит Барант французскому министру иностранных дел и передает ответ государя: «Мне дешево создали эту славу, тут не было никакой храбрости и никакой заслуги. Я не подвергался никакой опасности, я знал, что ее нет»² и т. д. Барант утверждает положительно, что государь полагает свою силу в симпатии к нему низших классов, а как к нему относятся высшие классы — «он о том мало заботится». Фрондирующие или несколько независимые помещики, живущие в Москве, мало его в этом отношении интересуют³. Тут Барант, отмечая (так же постоянно, как и другие послы), что государь не любит дворянства и в конце концов рассчитывает на народ, спрашивает себя: правильно ли учитывает император относительную силу классов общества? Правда, он инстинктом понимает народ, и между ним и народом есть симпатия. «Но если бы неразумным и крайним деспотизмом ему привелось вывести из терпения высший класс общества, мнением которого он, по-видимому, часто пренебрегает, то именно этот высший класс его погубил бы, причем класс низший не подал бы ему никакой помощи». Это не только Барант, но и преемники его не перестают подчеркивать: ссориться с дворянством русскому государю решительно опасно, народ ему вовремя никак не поможет. Впрочем, Барант оговаривается, что непосредственной опасности в положении государя он не видит. «Его повеления могут быть суровыми, его воля — абсолютной и слишком быстрой (*sa volonté — absolue et trop prompte*), но у него больше, чем у всех окружающих, стремления к порядку, желания справедливости, любви к стране. Эти чувства бывают у него иногда дурно направлены, в его действиях иногда нет достаточно зрелого размышления, и это придает часто его правлению тиранический вид ...Но, взятое в целом, его управление внутренними делами продолжает увеличивать силу и процветание империи и благостояние его подданных»⁴.

Барант отмечает в одном месте, что государь желает приготовить отмену крепостного права, «великий переход» (*la grande transition*), но, в полном согласии с только что отмеченным мнением о силе дворянства, посол полагает, что к этому делу «нужно приступать с крайней осторожностью»⁵. Спустя некоторое время после этого первого замечания (вызванного, между прочим, особыми милостивыми знаками внимания к Киселеву),

французский посол сообщает своему министру: «Император очень надеется, что в его царствование во владениях, принадлежащих государству, можно будет установить режим, который сделает крепостного крестьянина арендатором определенной части земли, платящим арендную плату». За казной должны будут, по мнению Баранта, последовать по тому же пути также частные владельцы: это последнее обстоятельство «всякий предвидит»⁶.

2

Но при Баранте постороннему, хотя и очень внимательному наблюдателю возможно было лишь говорить о надеждах и предположениях государя. Дело с указом об обязанных крестьянах разыгралось уже при преемнике барона — Казимире Перье (отце будущего президента республики), который заведовал делами посольства с 21 августа 1841 г. до 14 августа 1842 г.

Напомню сначала, как рисуется история указа об обязанных в воспоминаниях свидетеля и соучастника всего дела — барона Корфа. Государь передал еще зимой 1840/41 г. в особый комитет одобренную им записку, составленную министром государственных имуществ графом П. Д. Киселевым. Этот проект предусматривал ряд мер, которые клонились к уничтожению крепостного права⁷. Поднялись толки, «тревожная молва», и уже в комитете проект был сильно урезан: по свидетельству барона Корфа, проект был встречен «сильной оппозицией», «основа проекта — свобода крестьян» «была отстранена»⁸, и было решено предоставить помещикам право, *в случае желаний их*, заключать с крестьянами сделки, причем земля оставалась бы собственностью помещика, а получающий свободу крестьянин, становясь «*обязанным*», должен был бы платить помещику условленные повинности деньгами или натурой. «Вследствие этого весь внесенный графом Киселевым проект обширного закона сам собой пал и был заменен одним, очень небольшим проектом указа, в котором с намерением избегли не только слова свобода, но и всякого о ней намека»⁹. В этом виде проект перешел в Государственный совет, где первоначальная мысль государя и Киселева подверглась дальнейшему искажению.

Известно из записок барона Корфа, что государь явился в заседание 30 марта 1842 г. — впервые после девяти лет (пред тем он присутствовал в Совете 19 января 1833 г., при окончательном утверждении свода законов). В его речи (записанной и напечатанной бароном Корфом)¹⁰ было прямое опровержение слухов об освобождении («я также никогда на это не решусь»), и вообще речь явно клонилась к успокоению встревоженных, — по тем не менее в ней были слова: «Нет сомнения, что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть

зло, для всех ощутительное и очевидное», но «пынешнее положение таково, что оно не может продолжиться»; «необходимо... приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей и, не утрущаясь перед всякой переменной, хладнокровно обсудить ее пользу и последствия» и т. п. Государь счел нужным подчеркнуть, что он не решился покончить дело по собственному своему произволению: «Не скрывая перед собой всех его трудностей, я не решился подписать указ без нового пересмотра в Государственном совете. Я люблю всегда правду, господа, и, полагаясь на вашу опытность и верноподданническое усердие, приглашаю вас изъяснить ваши мысли со всею откровенностью, не стесняясь личным моим убеждением». В заключение император заявил: «Одно только не могу не поставить с прискорбием в виду Совета — именно той публичной, естественно преувеличенной народной молвы, которой источник отношу к неуместным разглашениям со стороны лиц, облеченных моим доверием и обязанных, самым долгом их присяги, хранить государственную тайну». Он так был раздражен этим, что прямо грозил (в последних словах речи), в случае новых «разглашений», «судить тотчас вишюватых по всей строгости законов, как за государственное преступление». Но все равно, цель «разглашений» уже была достигнута: не только на заседании в редакции указа был усилен элемент факультативности¹¹, но государь, уже когда все было окончено, счел уместным прибавить: «...я, с моей стороны, не предвижу от указа ничего, кроме последствий самых благодетельных. Но как некоторые из вас все еще опасаются от него какой-то тревоги, то чтоб вполне всех успокоить, я велел заготовить пояснительный циркуляр губернаторам. Он разошлетя от министерства внутренних дел одновременно с обнародованием указа, и надеюсь, вконец уже предупредит всякие превратные толки, а с ними и всякий повод к волнению». И тут же велел прочесть уже заготовленный циркуляр¹². Заседание окончилось. Указ об обязанных был подписан 2 апреля государем, циркуляр — 3 апреля — министром внутренних дел Перовским. Оба акта были опубликованы одновременно (7 апреля 1842 г.). Теперь посмотрим, что писало обо всем этом в своих шифрованных донесениях французское посольство.

Посольство прежде всего не может скрыть своего удивления, донося сначала о слухах (еще до издания указа). Правда, Казимир Перье говорит, что Барант еще в 1840 г. сообщал ему, что император подготавливает «проект освобождения крестьян», но подробнее не указывает, о чем именно у них шла речь. Во всяком случае, судя по всему, подготовка и издание указа об обязанных явилось для Перье неожиданностью. На его донесениях министру иностранных дел Гизо подтверждается рас-

сказ Корфа: 1) первоначально указ должен был — по мысли государя — быть гораздо шире и определеннее и, действительно, мог затронуть самые основы крепостного права; 2) первоначальный проект натолкнулся на серьезную оппозицию и был изменен весьма существенно, в благоприятном для владельцев крепостных душ смысле. С точки зрения французского дипломата, первоначальный проект был со стороны государя предприятием слишком смелым и радикальным и неудача этого проекта еще усилила позицию дворянства.

Обратимся к первому, относящемуся сюда, длинному, расшифрованному в Париже донесению Казимира Перье министру иностранных дел Гизо¹³. «Уже давно некоторые хорошо осведомленные лица знали, что император, усвоив, отчасти, мысли графа Киселева и следуя своей естественной склонности к мере, которая должна поразить умы и привлечь внимание Европы, питал в уме своем обширный проект освобождения крепостных... Но никто не думал, конечно, что речь идет о немедленном выполнении этого гигантского предприятия и что для него будет выбран настоящий момент, когда русскому правительству приходится преодолевать не одно затруднение, устранять не одну опасность, разрешать не одну трудность». Перье пишет под свежим впечатлением слухов, будто прошла первоначальная более радикальная редакция указа: «Вдруг начинаст распространяться еще наполовину таинственная новость, что освобождение — решено и что через несколько дней появятся необходимые указы¹⁴. Признаюсь вам, что я принял первый слух с недоверчивостью», но источник сведений, детали и т. п. — все это удостоверило Перье, что слух основателен. Это решено, и подобная мера, по мнению французского дипломата, открыто направлена к социальной революции, а может привести и к политической¹⁵. Позавчера (т. е., значит, 12 апреля/31 марта) император явился в Государственный совет и сообщил остолбеневшим членам (*à ses membres stupéfaits*), что он предлагает им на обсуждение меру, которая в принципе уже решена, но для осуществления которой он просит их содействия и их мнения. «По-видимому, прежде всего и несмотря на повелительную форму сообщения, проявилась довольно оживленная оппозиция». Некоторые сановники¹⁶ «заявили с энергией, что это значит ставить на карту судьбу империи, что они не перестанут возвышать голос, чтобы заклинять государя отказаться от его решений или по крайней мере отсрочить выполнение его».

Перье говорит, что ему неизвестны детали заседания. Но зато он весьма определенно и ярко характеризует настроение высших кругов. «Дворянство живейшим образом взволновано предстоящим посягательством на его богатство и на его могущество. Прямо заинтересованное в удержании существующего.

«но в то же время находит сильные аргументы в священных правах собственности, в отсталом состоянии низших классов, в опасности сразу сказать о свободе тридцати миллионам полудикам людей». Перье сам считает эти мнения дворянства «des arguments puissants». Он, посол либеральной монархии и сам либеральный конституционалист, становится на сторону крепостнической оппозиции, так как и ему борьба Николая I против крепостного права кажется тоже неосторожной и субверсивной; оговорки, которые он при этом считает все-таки нужным сделать даже в шифрованном донесении, ничуть не ослабляют самого факта этого любопытного совпадения мнений. Конечно, пишет он, мера эта благородна в принципе, и, может быть, даже одним из мотивов государя было заслужить похвалы Европы. Правда, он указывает тут же и на другой мотив (и даже называет его «главной целью») — стремление разрушить «настоящий, хотя и неполный феодализм» и обосновать на преданности народа силу и прочность монархии. В то же время «он бы ослабил дворянство, которое является для императорской власти самой непосредственной и самой постоянной опасностью». Но каковы бы ни были мотивы государя, «остаётся еще рассмотреть, стоит ли он на высоте задачи, достаточно ли зрело он ее обдумал, подходящий ли он выбрал момент, хорошо ли подготовил ход дела». Казимир Перье не скрывает от Гизо своих опасений: он сомневается, понял ли государь, что «малейший ложный шаг на той скользкой почве», на которую он вступил, может его погубить¹⁷. «Император Николай, верный своему характеру, увлекается личными желаниями, необдуманно бросается на путь приключений», не имеет точной цели, соблазняется славой реформатора и основателя нового общества¹⁸. Французский посол не уверен в том, что дворянство подчинится желанию государя. С другой стороны, «в какой степени русский народ подготовлен к тому, чтобы принять благое дело, которое ему предназначается? Когда уже не будет нынешнего государя с его железной рукой, не завещает ли он своему наследнику, кроме тяжести венца, еще и трудно исполнимую задачу?» Кончает Перье тем, что государь предпринимает дело, похожее на совершенное во Франции Людовиком XI, а затем Ришелье (сокрушителями дворянства), и что, если, «может быть», он и не рискует подвергнуться участи Павла I, то все же он дерзает на многое¹⁹.

Посылая 8/20 апреля своему министру второе донесение, а с ним уже текст и перевод указа 2 апреля и циркуляра Перовского, Перье сообщает о дворянской победе, плодом которой явился этот указ, столь далекий от первоначальных намерений государя. Он называет то, что произошло, «печальной сценой комедии»: государь «отступил, не желая признаваться в

этом, пред затруднениями, которых не предвидел, пред недовольством дворянства, которое взволновалось, когда оно увидело посягательство на свои богатства и старинные права»²⁰. Борьбу против первоначального проекта Перье изображает так: «Я уже сообщил вашему превосходительству, что император на этот раз натолкнулся на живую оппозицию в Государственном совете, хотя он и пытался сначала ограничить обсуждение простым рассмотрением средств, которые нужно употребить, и форм, которым нужно следовать, чтобы осуществить решенный им план, но члены Совета не побоялись выйти из этих границ. Великий князь Михаил и принц Ольденбургский подали пример, князь Меншиков, морской министр, барон Ган, граф Гурьев высказались энергично (*se sont prononcés avec force*), и лица, обыкновенно самые послушные императорской воле, Рибошьер, Бутурлин и другие, хранили молчание. В городе или, лучше сказать, в салонах было любопытное и необычное зрелище. Люди встречались с испуганными лицами, говорили только о разорении и грабеже». Впрочем, французский дипломат и тут считает нужным стать отчасти на сторону встревоженного дворянства. «Наряду со слухами, без сомнения, преувеличенными, высказывались также некоторые истины».

В чем же заключались эти истины, услышанные Казимиром Перье в петербургских салонах? Первоначальный проект Киселева налагал на владельца обязательство освободить всех тех крепостных, которые могли уплатить ему сумму, равную капитализации оброка (сообщает Перье министру). Но так как прежде всего имелось в виду освободить крестьян удельных и государственных, то частные владельцы имели основание бояться, что после этого освобождения их крестьяне просто взбунтуются. Перье хочет высказать мысль, что крестьяне не захотели бы платить сумму, равную капитализации оброка, видя, что удельные и государственные освобождены на более льготных основаниях. И тут Казимир Перье переходит к воззрениям русского крестьянства на землю. Эти воззрения он приписывает крестьянскому невежеству и относится к ним с неодобрением. «Самое серьезное препятствие заключается в состоянии нравственного огрубения или по крайней мере совершенного невежества сельского населения. Почти всюду оно воображает, что, будучи лично в рабстве, оно одно имеет реальные права на обладание землей. Очень часто владельцу, желающему переселить земледельцев, отправить их из одной губернии в другую, противопоставляется страшная сила инерции, подкрепляемая следующими словами, в которых заключается кодекс русского крепостного: наша жизнь принадлежит тебе, ты можешь ее взять, но ты не имеешь права отнимать у нас землю, которая нам принадлежит. Этот опасный предрассудок (*ce préjugé dangereux*) укоренился

в умах миллионов людей, и не указами он будет побежден. Это могло бы быть делом цивилизации, нравственного совершенствования, для которого еще ничего не сделано»²¹. Эти строки живо напоминают о позднейших усилиях Герцена сделать русские крестьянские воззрения на землю более понятными западным европейцам, и особенно французам; ведь не нужно также забывать, что Казимир Перье писал в 1842 г., до книги Гакстгаузена, которая уже не объясняла опасный предрассудок русских крестьян только нравственным огрубением и совершенным невежеством. Так или иначе, Казимир Перье боится последствий даже такого шага, как урезанный закон 2 апреля: «Эти люди (крестьяне — *Е. Т.*) не поймут ни того, что свыше декретируют сегодня, ни того, что хотели декретировать вчера. Они услышат, что император хотел их освободить; должно опасаться, чтобы они не потребовали страшного отчета у помещика за лишение их того благодеяния, которым они и воспользоваться не сумели бы. Из всего предыдущего легко заключить, насколько опасна и ненадежна всякая преждевременная или легкомысленно затеянная попытка изменить нынешний порядок вещей». Поэтому Казимир Перье понимает, почему при первых же слухах об указе некоторые помещики отправились в свои деревни, чтобы там выждать, какой оборот примут события, и, если понадобится, предотвратить печальные последствия этой меры добровольными уступками, если и не добровольными, то по крайней мере «благоразумными». Весь этот переполох действовал на государя, которого Перье теперь, после неудачи, уже решительно осуждает за поспешность действий и нетерпеливость в аболиционистских стремлениях.

«Император, поверхностный и абсолютистский ум которого наверное не вошел в рассмотрение этих важных вопросов и который даже не считал уместным посоветоваться с теми из своих интимных доверенных лиц, мнение которых могло бы его просветить, сразу увидел, какая мрачная картина развертывается пред его глазами во время прений в Государственном совете; в этих прениях боязнь не угодить уступила на сей раз более серьезным опасениям. Он встретил оппозицию, не уступить которой было бы слишком опасно»²². Итак, «государственный переворот» не удался, но Казимиру Перье кажется, что издание даже этого урезанного, обезвреженного с дворянской точки зрения указа — все же большая ошибка. «Нужно было спасти лицо: уступая в действительности, не желали, чтобы вышло, что уступают и формально, — и указ появился в том виде, как ваше превосходительство его получите. Осмеливаюсь сказать, этот указ — серьезная ошибка. Следовало сделать больше — или ничего не делать. В такой стране, как эта, полумеры губительны, опыт и история показали, что ничего не может быть опаснее,

чем неполная реформа или неудавшийся государственный переворот (*un coup d'état avorté*). Дворянство — слишком сильный враг, чтобы следовало его раздражать. «Неблагоразумно делать бессильное покушение на такого врага, с которым следует завязать борьбу только с тем, чтобы победить. Нужно было бы поколебаться пред тем, как возбуждать столько тревоги, поднимать столько жгучих вопросов, и все это для столь незначительного результата... С точки зрения интересов и принципов правительства этой страны, было ошибкой привлекать внимание к рассмотрению тех трудностей, устранить которые не чувствовали себя в силах». Какие могут быть непосредственные последствия этой «злосчастной попытки», спрашивает себя дальше Казимир Перье. Самая попытка является, «наверное, за многие годы наиболее важным событием русской внутренней политики», и дворянство не так легко забудет пережитую большую тревогу, тем более, что эти наклоны императора уже давно известны²³, и, например, разные попытки перемен в положении государственных крестьян давно сеяли недовольство среди помещиков. Государь отступил, но дворянство знает его характер, знает, как его раздражает и побуждает к сопротивлению всякое противодействие, знает, что он от своих идей не отказывается. Дворянство чувствует, что гроза только отдалилась, но ненадолго²⁴. В заключение Казимир Перье передает также об огорчении уже не только принципиальных сторонников крепостного права, но «самых благоразумных людей, которые просвещенно желают прогресса цивилизации своей стране и которые с грустью видят, что желательная мера, трудная, но возможная, мера, которую время сделает необходимой, скромпрометирована так с самого начала». Таково, по уверению Перье, также чувство иностранцев и всего дипломатического корпуса. В *post-scriptum*'е Казимир Перье добавляет еще несколько слов о только что появившемся «распоряжении обер-полицмейстера». (Речь идет об уже упомянутом выше циркуляре Перовского о том, что не нужно в указе искать какого-либо иного значения, кроме прямо вытекающего из смысла пунктов его, что указ 2 апреля укрепляет за помещиками право собственности на землю, что искать в указе иное, скрытое значение значит идти против воли государя и т. д. Кокошкин уже от себя разослал особый приказ по полиции — всеми мерами препятствовать распространению ложных слухов). По мнению Перье, это распоряжение окончательно аннулирует указ 2 апреля и доказывает всю полноту победы дворянства. Подобный шаг должен был недешево обойтись императору²⁵. Очень уж повелительная необходимость, полагает Перье, могла заставить государя сделать подобную уступку во имя успокоения дворянских тревог²⁶, и он думает, что и дворянству эта победа может со временем дорого обойтись. По-

добный акт всюду вызвал бы много комментариев, а в России при этих обстоятельствах он вдвойне любопытен, по мнению французского дипломата.

Прошло два месяца, и за это время в европейской прессе была речь об указе, а в России — все обошлось тихо. Но Казимир Перье не верит в то, что об этой мере будто бы забыли. Ни та, ни другая сторона не оставили своих стремлений, ни император, ни дворянство²⁷. Крестьяне — «самые заинтересованные — оказываются наиболее индифферентными. До сих пор, благодаря ли принятым суровым предосторожностям, или благодаря апатии и невежеству, народ мало взволновался». Это спокойствие народа, по мнению Перье, можно было бы считать благоприятным симптомом для будущего, «если бы самые опасные препятствия можно было предвидеть с *этой* стороны». Но в том-то и дело, что опасность не в народе, а в сопротивлении дворянства²⁸. И тут Перье — в иных выражениях, но столь же убежденно — повторяет мысль своего предшественника Баранта: дворянство способно быть более опасным врагом, чем народ надежным другом, оно одно способно к согласованным действиям несмотря на свою малочисленность, оно одно умеет разумно и ловко вести себя в этом полускрытом поединке²⁹.

3

Свою тревогу дворянство, в самом деле, не так скоро простило, если поверить любопытному допесению, которое Гизо получил осенью того же 1842 г. (уже не от Казимира Перье, а от д'Андре, который 14 августа 1842 г. сменил Перье на его посту).

Д'Андре считает, что он нарушил бы свой долг, если бы не уведомил министра «о царящем в России недовольстве». Весь дипломатический корпус озабочен этим явлением, и д'Андре пишет, что подверг вопрос о причинах недовольства серьезному обследованию³⁰. Самый факт недовольства он считает очевидным, и особенно отмечает это явление в отношениях между государем и дворянством. Недовольство это давнишнее, «но совсем недавно оно возросло». Дело в том, что со времени своего восшествия на престол государь «не терял ни одного случая уменьшить значение дворянства, ограничить привилегии, какие были дворянству даны еще императрицей Екатериной». Ему всегда было тесно от этого скрытого сопротивления, слишком хотелось найти опору в народе. Дворянства он не любит и не уважает (*il n'a pour la noblesse ni goût, ni considération*). «Со своей стороны дворянству, ревниво относящемуся к своим привилегиям, не нравятся тенденции государя, которых он и не скрывает». Дворянство мало любит государя. «Император это

знает, но, может быть, не отдаст себе в точности отчета о положении вещей». Во всяком случае, «кажется, он предвидит те затруднения, которые могли бы возникнуть вследствие подобных отношений между государем и дворянством в будущем, особенно если у его преемника не окажется характера, столь же твердого, как его собственный характер. Пока он царствует, он считает себя достаточно сильным, чтобы удерживать в повиновении тех, которые бы желали от него освободиться, но что произойдет после него, это всегда его живейшим образом озабочивало». Сыну своему он нередко говорил: «Tandis que nous vivons tranquilles, Dieu sait quel événement le sort te réserve». Д'Андрэ, как и предшественники его, категорически настаивает на том, будто Николай I положительно желал освободить крестьян. Он хотел побороть самое огромное из всех затруднений, с которыми пришлось бы считаться его сыну, и решил совершить самый громадный акт, какой только может быть совершен в России: освобождение крестьян. По своему обыкновению, он хотел и эмансипацию совершить вдруг (il l'a voulu soudaine comme il veut toutes choses). В согласии с министром государственных имуществ он прежде всего предложил Государственному совету проект, по которому помещик принужден был бы дать на известных условиях определенное количество земли крестьянину. «Вашему превосходительству известно, какую сильную оппозицию встретил этот первый проект в Государственном совете. Самые робкие в обыкновенное время члены сделались самыми смелыми. Вне Совета волнение было не менее сильным. Отовсюду слышны были вопли о разорении и грабеже. В Москве дворяне заявляли, что если этот указ пройдет, то они постараются продать остаток имений и удалятся в Германию, так как они не желают быть свидетелями страшного смятения, которое, по их словам, должно произойти в империи». Некоторые помещики уже стали закладывать свои имения, другие брали из банков свои капиталы. «Ужас пред появлением такого указа был огромен. Сопrotивление проявлялось открыто. По этим признакам император понял, что следует остановиться. Но он не хотел, чтобы показалось, будто он всецело отказывается от своих идей. Он изменил проект указа и объявил, что эта мера — факультативна» (т. е. что сделка между крестьянином и помещиком совершается лишь при желании обеих сторон). Что касается циркуляра Перовского (который д'Андрэ неправильно называет le règlement du grand-maître de police), то эта декларация, подчеркивавшая, что помещики остаются собственниками земли, была даже выгодна дворянству, так как этот принцип помещичьего права собственности на землю нелишне было напомнить крестьянам³¹. «Борьба была жаркой, дворянство вышло из нее торжествующим». По мнению д'Андрэ, также дальнейшее со-

противление со стороны государя было сопряжено с «величайшими опасностями».

На помощь помещикам пришло и то обстоятельство, что как раз произошло несколько случаев волнений среди государственных крестьян: правительство произвело именно среди них кое-где опыт, дало им землю в собственность на известных условиях, так что крестьянам пришлось уплачивать вдвое против прежнего. «Крестьяне увидели в этой перемене лишь увеличение податей, без всякой для себя выгоды, так как каждый русский крестьянин совершенно убежден, что земля, которую он обрабатывает, и так ему принадлежит». Дворяне же не преминули воспользоваться этими волнениями среди государственных крестьян и указали, что сами крестьяне предпочитают, чтобы старый порядок вещей не подвергался изменениям.

«Но я предоставляю вашему превосходительству судить о чувстве, оставшемся у дворянства от всех этих тревожений. И вот тогда-то дворянство вспомнило все свои неудовольствия против императора и, всегда столь сдержанное, заговорило таким языком, что это удивило людей, которые уже давно живут в России. Никогда общество не говорило в столь свободном тоне о том, что воля императора часто оказывалась губительной для истинных интересов страны, что его царствование вовсе не было главным для России, что его вкус к военному делу разорителен для государства, что вместо того, чтобы тратить сотни миллионов для сбора столь большого количества бесполезных людей, было бы гораздо лучше употребить часть этой суммы на устройство дорог, хороших путей сообщения, что Московская железная дорога, которую он выстроил, не была столь настоятельной необходимостью и что странно видеть, как отстраняются русские поставщики рельсов, а предпочтение отдается рельсам английским». (Здесь к слову нужно заметить, что вообще обсуждение вопроса о Николаевской железной дороге прошло не без больших прений, и французское посольство еще в феврале 1842 г. извещало Гизо, что Москва ропщет, ибо находит более нужной и выгодной такую железную дорогу, которая соединяла бы ее с югом, а не с Петербургом ³².)

Перечисляя дальше, что ставится недовольными в вину государю, д'Андре пишет, что говорят о «министрах, которые вместо того, чтобы благоприятствовать развитию национальных богатств, стараются остановить это развитие и стремятся лишь обогатиться и удержаться в фаворе», жалуются и на то, что торговля и промышленность не получают никакой настоящей помощи, жалуются на то, что бессрочноотпускные солдаты являются внутри государства элементом брожения и беспорядков, жалуются и на то, что государь слишком предается религиозным преследованиям ³³. О настроении государя говорят, что он

иногда целые недели проводит в глубокой печали и упадке духа, что нервы его ослабели, что приступы гнева происходят чаще, чем прежде, и чаще случаются приливы крови к голове. Посла поражает, с каким хладнокровием рассуждают о возможной смерти государя. О наследнике держатся того мнения, что он — характера нерешительного, и посол полагает, что дворянство при нем постарается вернуть себе все то, что потеряет при Николае Павловиче, «если только великие события не изменят предвидений будущего». Д'Андрэ кончает свое длинное донесение словами: «Вот до какой степени проявилось неудовольствие дворянства после борьбы, из которой оно вышло победоносным, по крайней мере до настоящего времени». Центр неудовольствия — Москва, и в Москве (сообщает он уже в *post-scriptum*'е как самую свежую новость) «прием, который сделали императору, был самый холодный». Д'Андрэ в заключение советует все-таки не преувеличивать значения резкого тона недовольных: с одной стороны, русские — народ изменчивых настроений, а с другой стороны, государь понимает свою страну и, может быть, найдет способ примириться с теми, кого отдалил от себя³⁴.

Впрочем, на этот раз неудовольствие дворян прошло во всяком случае не так скоро. Через год, 23 сентября 1843 г., д'Андрэ опять извещает министра иностранных дел, что о государе выражаются очень резко. Он опять поражен неизвестной прежде «свободой языка»³⁵ в этом отношении. Его удивляет также ненасытность царедворцев и приближенных, осыпаемых неслыханными в Европе милостями и все-таки недовольных. Например, по случаю крещения внука государя (вел. кн. Николая Александровича) *тридцать четыре* человека получили чин полного генерала, и все-таки «много недовольных»³⁶.

В последнем интересующем нас донесении д'Андрэ говорит опять о слухах, касающихся освобождения дворовых. Д'Андрэ еще не знает (дело было весной 1844 г.) подробностей обсуждаемого мероприятия, но снова повторяет, что государь не оставляет всего «огромного вопроса» об уничтожении крепостного права и хочет, чтобы этот вопрос разрешился в его царствование.

4

История указа о дворовых изложена тем же бароном Корфом («Сборник Русского исторического общества», т. 98, стр. 208—248). Вопрос возник в зиму 1843/44 г., когда государь объявил Перовскому о своем желании постепенно превратить дворовых в «новое сословие вольных слуг». Был образован особый комитет, и, конечно, опять поднялась оппозиция и пошли тревожные слухи. Государю указывали на трудность дела. «Знаю, — прервал государь с некоторым раздражением, — знаю, что тут есть трудности и даже *множество* трудностей»³⁷. Я восемна-

дцать лет занимаюсь этим делом, восемнадцать лет взвешиваю его трудности, борюсь с ними и надеюсь их превозмочь. Главная цель моя — *изменить крепостное у нас состояние* ³⁸. Мысль о том никогда меня не оставляла» и т. д. После одного заседания комитета «государь схватил себя за голову и, обратясь к Васильчикову, сказал: *c'est singulier qu'il m'est impossible d'attaquer des questions d'une nature aussi grave sans que le sang ne me monte d'abord à la tête*» ³⁹. Между прочим, во время обсуждения этого нового указа государь жаловался, что указ об обязанных фактически почти свелся к нулю; и однако новый указ о дворовых (опубликованный 10 июля 1844 г.) тоже вышел из рук комитета факультативным ⁴⁰ и обреченным на ту же участь, хотя в собственноручно написанном первоначальном плане государя предполагалось ряд мер ⁴¹, рассчитанных на *попущение* помещиков. И это дело — с дворовыми — тоже привлекло внимание французского посольства ⁴².

О появлении указа, касающегося дворовых, известил Гизо уже Рейневаль, сменивший летом 1844 г. д'Андре в качестве *chargé d'affaires* французского посольства. Рейневалю кажется, что этот указ мог бы быть более приемлемым для помещиков, чем указ 2 апреля 1842 г.: дело в том, что дворовый при освобождении не получает земли, а остается должником — на срок или на всю жизнь — своего помещика, если не выплачивает ему всей суммы выкупа разом. По этому поводу Рейневаль заводит речь об освобождении крестьян вообще ⁴³. Он тоже усматривает «великую трудность вопроса в той идее, врожденной у русских крестьян, что они — неразлучны с землей», что гораздо больше земли принадлежит им, нежели они принадлежат земле ⁴⁴. Рейневаль (после беседы с графом Киселевым) передает свое мнение, что освобождение государственных крестьян (Киселев сообщил ему, что они — свободны) должно сильно подвинуть вперед и освобождение крестьян помещичьих ⁴⁵. Но хотя император уже «хотел бы избежать всякого потрясения, приведя постепенно дворянство к необходимости освободить крестьян», однако помещики «мало расположены войти в намерения императора». Так, даже указ о дворовых, казалось бы, вполне приемлемый и удобный для помещиков, «принят ими плохо, как и все, что направлено к изменению существующего порядка вещей». Но, конечно, такой бури, как первоначальный проект указа об обязанных, мера, касавшаяся дворовых, не вызвала и вызвать не могла.

С этого времени лишь два раза посольство доносит в Париж о крестьянском вопросе. «Вопрос об освобождении все еще на очереди», — пишет Рейневаль в ноябре 1846 г. «Я узнал, что заняты тем, чтобы даровать крепостным законное право владеть движимым имуществом, право, которым они теперь пользуются

только в силу терпимости и добросовестности своих помещиков. В самом деле, они могут иметь собственность лишь на имя помещика. Нужно признать, что помещик никогда не злоупотребляет этим доверием крестьянина и что крестьянин в некоторых отношениях, например в смысле защиты от часто придирчивых действий властей, чувствует себя хорошо при этой комбинации. Но ее большое неудобство заключается в том, что она препятствует развитию в уме крестьянина истинных понятий о собственности и личной независимости». Наконец, 27 ноября 1847 г. посольство извещает Гизо, что опять заговорили об освобождении крестьян. По инициативе государя в Государственном совете обсуждается вопрос о споспешествовании крестьянам при выкупе их на волю и прежде всего о помощи и кредите из казны крестьянам, в случае если бы они желали купить заложённые и назначенные к продаже имения (к которым они принадлежат). Напомним, что, в самом деле, в 1847 г. возник вопрос о распространении на всю империю уже действовавшего в Грузии закона, по которому крестьяне имений, продаваемых с публичного торга за долги помещиков, имели право, внеся должную сумму, купить, таким образом, имение и тем самым приобрести личную свободу. Заходила речь о государственном кредите, который бы при этом облегчал крестьянам покупку продающихся имений, но эта мера не прошла (и только Киселеву был открыт ежегодный кредит в 300 тысяч рублей, из которых уже он мог бы в тех случаях, когда признает нужным, ссужать выкупающихся крестьян). Дело окончилось изданием указа 8 ноября 1847 г.⁴⁶, тоже не имевшего никаких реальных последствий, но опять несколько всполошившего дворян.

Эта мера кажется французскому дипломату важной именно потому, что «она, по-видимому, связана с планом эмансипации, которая безусловно повлекла бы за собой разорение дворянства»⁴⁷. Он «не смеет утверждать», что этот плап уже существует, но ему «позволительно думать это и тревожиться этим, так как известны чувства императора и его пламенное желание приурочить уничтожение крепостного права к времени своего царствования»⁴⁸. Дипломат беспокоится и тоже находит, что государь слишком торопится. Правда, и он считает необходимым даже в шифрованном письме оговориться, что и «русские высших классов признают нынешний порядок вещей позором для их страны и препятствием для цивилизации», но, с другой стороны, «они находят в нем выгоды, от которых не хотели бы отказаться, например, что этот порядок вещей предотвращает пауперизм, пролетариат и т. д.». К сожалению, он не говорит точнее, что понимать под етс. и какие именно представители «высших классов» ему это говорили. А главное, он «двух лиц не нашел, которые были бы между собой согласны

относительно средств» к уничтожению крепостного права. Государь же слишком спешит: «если он хочет достигнуть этой большой цели раньше, нежели это будет достаточно подготовлено (что потребовало бы, может быть, больше времени, чем он может предвидеть), то ему с трудом удастся избежать необходимости пожертвовать интересами и даже правами дворянства». Правда, государь не питает к дворянству никакой симпатии. О наследнике, напротив говорят, что он благоприятствует знати и в Государственном совете борется против правительственного проекта⁴⁹ (о котором идет речь в начале этого донесения).

Любопытно в заключение заметить, что, не одобряя религиозных преследований, произвола в расправе с провинившимися (например в деле с Головиным), с укоризной говоря о политике в Польше, французские дипломаты признавали самый факт существования абсолютной власти совершенно необходимым для России. Это можно отметить едва ли не у всех послов и *chargés d'affaires* за рассматриваемый период. Так, Рейневаль признает, что «император обходится со своей империей, отчасти, как с полком и рассматривает малейшее неповиновение своим приказанием как самое важное нарушение правительственной дисциплины», но вместе с тем представитель Франции утверждает, что «пассивное повиновение — есть единственная связь, которая может соединить в единую массу и сделать *управляемыми* (*gouvernables*) многочисленные народы, рассеянные по неизмеримым пространствам, нецивилизованные или почти нецивилизованные, которым нечего сообщать ни защищать, ни завоевывать»⁵⁰.

Тем интереснее отметить, что, признавая необходимость неограниченной власти в России, французские представители, как мы видели, невзирая ни на какие неопределенные и ни к чему не обязывающие оговорки, решительно не одобряли эту самую неограниченную власть в тех случаях, когда она слишком поспешно, по их мнению, выступала против дворянства и на защиту закрепощенной массы. Послы Луи-Филиппа в *этих своих интимных, шифрованных*, скрытых от нескромного глаза донесениях не перестают *беспокоиться* по поводу слишком радикального, слишком петербургского устроения, которое они подозревают в императоре Николае относительно крепостного права. Отложить, отложить и отложить реформу — вот общий их мотив, при известной неодинаковости в выражениях, которыми они пользуются. Так судили представители самой либеральной из тогдашних континентальных монархий. Таков один из неожиданных выводов, который сам напрашивается при чтении этих документов. Что касается настроения высшего петербургского круга, то оно также рисуется здесь вполне ясно и ярко. К сожалению, нельзя того же сказать о свидетельствах, касаю-

щихся предрасположений государя, его отношения к крепостному праву и к дворянству. В этой области многое в донесениях французских дипломатов сбивается на домыслы и легковесные гипотезы. Во всяком случае тут краски слишком сгущены. Следует еще отметить слова французских дипломатов о воззрениях русского крестьянина на землю, на право собственности: эти слова почти буквально совпадают со свидетельством барона Августа фон-Гакстаузена, как раз в 1843—1844 гг. путешествовавшего по России⁵¹. Иностранцев эти народные воззрения поражали прежде всего. Не только официальные представители короля Луи-Филиппа, но и представители радикально-республиканского течения во Франции были совершенно чужды духу этого своеобразного строя понятий русского крестьянства.

1918 г.